

УДК 334.02, 378

Социальные инновации как фактор развития университета

Канд. филос. наук Будылин Д.Ю. bdln@narod.ru

д-р филос. наук Полатайко С.В. polatayko@irbt-itmo.ru

Силакова Л.В. sunlight.silakova@yandex.ru

Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет ИТМО

Институт холода и биотехнологий

191002, Санкт-Петербург, ул. Ломоносова, 9

Развитие современного университета в России сегодня не видится возможным без активного использования социальных инноваций. В этой статье речь идет о необходимости организации и эффективного использования потенциала добровольной инициативы сообщества студентов, преподавателей и выпускников отечественных университетов.

Ключевые слова: академическая свобода, добровольчество, общественный ресурс, социальная инновация, социальная мобильность, социальный капитал, университет.

Social Innovations as a Factor in the Development of University

Ph.D. Budylin D.Y., D.Sc. Polataiko S.V., Silakova L.V.

Saint-Petersburg National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics.

Institute of Refrigeration and Biotechnology

191002, St. Petersburg, Lomonosov str., 9

The development of the modern universities in Russia seems today unrealizable without active social innovations. This article examines the need of voluntary organizing initiatives of the university community – students, teachers and alumni of domestic universities.

Keywords: academic freedom, social capital, social innovation, social mobility, social resource, university, volunteering.

Важнейшими признаками современного состояния российской высшей школы стали: падение престижа обучения в России, снижение качества знаний выпускников, – что, безусловно, является следствием системного кризиса не только вузовской науки и образования, но и всего российского социального института

производства научного знания. Режим «ручного управления» в различных сферах деятельности Российской Федерации, о котором так часто говорят представители высших эшелонов власти, скандальные разбирательства в структурах управления образованием и наукой прочно входят в обывденную жизнь, становятся общим местом в разговорах, как вузовской общественности, так и обычных граждан.

Очевидным является тот факт, что перед современной российской наукой стоит не просто сложная, но жизненно важная задача: вместе с непосредственным поиском ответов на специальные вопросы в чисто научных проблемных сферах, выявить причины, вызывающие социальное напряжение в нашем обществе в контексте мирового социального развития и найти пути и способы их искоренения или нейтрализации.

В предлагаемой статье мы делаем акцент на феноменальном проявлении одной из фундаментальных причин, другими словами, онтологическом основании самого социального института науки, а именно, академической свободе учёных, преподавателей и обучающихся. Под академической свободой, в самом общем смысле, мы понимаем состояние *добровольного* интеллектуального движения, как в научном, так и в социальном направлениях. Основная цель настоящего исследования заключалась в том, чтобы выявить и показать скрытые ресурсы и возможности, прежде всего, социальной составляющей в понятии академической свободы и предложить модели их наиболее эффективного использования.

Консервативная и либеральная сущность университетского идеала

Хотя университеты в Европе официально возникают в XII веке (Болонья, 1158 год), основные модели и определения университета, которые остаются актуальными и в настоящее время, формулируются в XIX веке В. Фон Гумбольдтом и Дж. Ньюменом. Я. Пеликан переформулировал определение университета, данное Дж. Ньюменом. Согласно Я. Пеликану, университет – это «место обучения универсальным знаниям, развития знаний через исследования, распространения знаний через публикации, а также направления этих “развития”, “обучения” и “распространения” на подготовку профессионалов [23, С. 88]. Как видим, это деятельность, требующая наличия специальных условий для её успешного осуществления. Несмотря на различия в понимании роли университета, общей для всех определений остается важнейшая задача университетской среды: поддержание академической свободы. Необходимость академической свободы невозможно переоценить, эта свобода требует постоянного культивирования и организационной поддержки.

Идентификация личности в университете зависит от социальных координат, предустановленных во взаимоотношениях обучающихся, преподавателей, служащих (управляющих) и выпускников, а также соотношением университетских и сторонних воздействий. Давление религиозных или политических сил губительно как для преподавания, так и для самоорганизации университетского сообщества. Важное влияние оказывают также и экономические принуждения, проводником которых часто является государство. В связи с этим академическая свобода нуждается в защите от волюнтаризма – экономического или административного. Типичным примером такого давления является недолжное личное стремление наставника или другого должностного лица воздействовать на оценки, учёбу, оплату, профессиональное будущее обучающихся или подчинённых. Такое отношение, как отмечает Г. Розовски, подрывает атмосферу доверия, необходимую для университетского сообщества [13, С. 366–368].

Отсутствие доверия, в свою очередь, приводит к девальвации социального капитала. Кроме того, разрушаются социальные связи, в основе которых как раз и лежат принципы самоконтроля и доверия. Вступает в силу правило обратно пропорциональной конверсии социального капитала в денежную форму: чем слабее социальные связи (слабее доверие и самоконтроль), тем больше денег необходимо для осуществления функциональных задач [1, С. 121].

Академические социальные механизмы не могут полностью застраховать и от аналогичной коррупции в интеллектуальной сфере, когда личность встраивается в образ истины и подменяет её своим частным притязанием, центрируя на себе увлеченность поиском истины.

При наличии таких опасностей нельзя не принимать во внимание то, что для университета существенны соперничество, конкурсы, состязания, споры, защиты (предполагающие нападение). В то время как взаимоотношения «граждан университета» (учёных, преподавателей, обучающихся) всегда служат источниками конфликтов, задачей администрации является посредничество между всеми сторонами и регулирование научно-образовательных отношений.

«Основная иерархическая ось во всяком учебном заведении – взаимодействие между студентами и преподавателями, – теми группами, для которых университет главным образом и существует» [13, С. 331].

«Чтобы хорошо функционировать, иерархическая система управления нуждается в четком механизме консультирования и отчётности». Консультирование предполагает, что при разработке и осуществлении политики учитывается информация от университетских групп: студентов, служащих, выпускников. Отчетность «власть

имущих» свидетельствует о должном выполнении ими своих обязанностей [13, С. 349–350].

Отчётность нужна с двух точек зрения: во-первых, должна быть налицо готовность дать полные и честные разъяснения относительно всех действий администрации; во-вторых, каждое звено в системе должно быть подотчетно индивиду или группе – но лишь с определенными целями.

Коммуникация есть основная форма отчётности. Ответственные лица должны регулярно предоставлять доступную информацию о своих взглядах и политике [13, С. 351].

Административные и общественные коммуникации в университете имеют особые ориентиры. Университетская среда не является обычной сферой услуг, а университетское сообщество не является обычным производственным коллективом. Это – «образовательная корпорация». «Роль общественного мнения здесь первична» [15, С. 171]. В данном случае речь идет о том, что общественное мнение формируется на основе общей цели университета, а не из соображений самосохранения персонального содержания административной структуры. Общественное мнение в университете формируется не столько по стандартам политической демократии, сколько по специфическим принципам научной и образовательной деятельности, которая организуется на авторитете знания и мастерства.

Эффективность университета «как бюрократически организованного предприятия не означает эффективного воспроизводства интеллектуальной элиты». В конфликт могут войти ориентация на теоретическую науку и ориентация на карьеру [15, С. 83].

Г. Розовски подчеркивает мысль о том, что, хотя полное избавление от конфликта интересов в университете может оказаться нереальным, всё же важны добросовестные усилия по уменьшению этого конфликта [13, С. 347].

Картина взаимного признания несчастья (держателей научного и административного капитала), возможно, скрывает за собой недостаточную способность различать и развивать университетский идеал:

«Большинство исследователей и преподавателей стремятся к автономии и академической свободе; они могут сохранять лояльность по отношению к учреждению лишь в той степени, в какой она не противоречит ценностям науки. Иначе университет рискует потерять «людей науки». Потеря произойдет и в том случае, если «люди науки» усвоят деловые и коммерческие навыки <!.>. В наименьшей степени конфликт проявляется при такой организации университетского сообщества, когда административно-управленческие структуры отделены от учебных и исследовательских

подразделений. Если же исследователи и преподаватели одновременно выполняют административные функции, позиционный конфликт становится почти неизбежным. Академическая иерархия основана на институционализированных “заслугах”, степенях, присужденных не начальством, а “колледжем”, децентрализованных решениях, автономии и включенности в неформальную систему поддержки. Особенность университета заключается в том, что административная иерархия признает академическую иерархию независимой, хотя фактически администрация всегда и везде оказывает влияние на распределение академической власти» [15, С. 83–84].

«Баланс между академической и бюрократической функциями университета означает также его способность адаптироваться, с одной стороны, к системе воспроизводства знания, с другой – к рынку» [15, С. 84].

Адаптация и балансирование – занятие для администратора, не для ученых. Доходить до крайних выводов и предельных оснований, состязаться всеми средствами аргументации и всем признаваемым знанием (и социальным признанием в академической среде) – без этого невозможно развитие науки и образования.

Состязания в научно-образовательной среде могут выступать как образовательное средство при условии творческой, преобразующей социализации. Направляющей образовательной практикой становящегося общества может явиться научно-образовательная активность граждан (обучающихся и преподавателей) университетского сообщества, направленная на самообразование, организованная через состязательную аргументацию, связанная академической ответственностью и обеспеченная правом преобразовывать университетскую среду.

Образование универсантов, становление универсальных способностей происходит не только в исследованиях – во взаимодействии с универсумом разума, но и в социальном тренинге – во взаимодействии с социальной репрезентацией этого универсума. Независимая и добровольная общественная координация научно-образовательной деятельности в университете, направленная к образованию цельного человека и цельному отражению универсума, может способствовать осуществлению университетского идеала. Общественное самоуправление является значительным источником саморазвития университета.

При этом важно помнить, что саморазвитие университета возможно лишь при условии его самосохранения. Самосохранение и саморазвитие предполагают гармоничное сочетание двух, на первый взгляд, взаимоисключающих существенных оснований любого социального института: консерватизма и либерализма. Однако при более глубоком рассмотрении, становится очевидным, что в отношении университета

консервативная функция как раз и заключается в незыблемом сбережении онтологического основания – принципа академической свободы, который в свою очередь, как следствие, запускает либеральные механизмы саморазвития.

Творческая конверсия университета

Намеченная здесь модель университетского идеала позволяет предполагать, что возможный путь творческой конверсии университета состоит в *воображении* и создании организационных структур, способствующих изобретениям и инновациям в университетской сфере – как интеллектуальным, так и социальным, с использованием аргументативных ресурсов университетской среды. Путь этот пролегает через коллективное выявление и регулирование конфликтов, формулирование социальных альтернатив и противоречий, дифференциацию и согласование научно-образовательных задач, формирование добровольной и самостоятельной идентичности в системе научно-образовательных координат университета. В живой процесс университетского идеала посредством отлаженных и прозрачных для всех участников социально-правовых механизмов могли бы вовлекаться студенты, преподаватели, служащие, выпускники – все представители университетского сообщества, «граждане» университета как общего пространства жизни [1].

Попытки создания подобного пространства выражаются в деятельности волонтерских, добровольческих организаций на базе вузов, куда вовлечены все участники университетской жизни.

В университетах зарубежных стран, в частности Северной Америки, уже с 1980-х годов уделяется особое внимание студенческим волонтерским организациям как среде, где развиваются лидерские качества и «активная жизненная позиция» студента, что формирует некий гарант появления свежих идей, неординарных подходов, смелых решений и склонности к управленческому мышлению, что всегда обеспечивало развитие экономики. Образовательное значение и экономический эффект волонтерства исследуется столь же давно: см. например [19, 21, 22]. Во всех университетах и колледжах США есть специальные отделы, предлагающие разнообразные лидерские программы. Чаще всего такие отделы выполняют задачи развития морального сознания, лидерских качеств и стремления к общественному служению у студентов. Пример: Центр развития лидерства, этики и служения обществу, Университет Северной

Каролины, с 1998 года [18]. В Университете Майами разработана политика Observership (кураторства, мониторинга), которая определяет права, обязанности и порядок деятельности добровольцев в университете, а также условия их регистрации [20].

Однако в России дела обстоят несколько иначе. Существует расхожее мнение, что все хорошие, добрые люди – волонтеры. В общественном сознании пока еще не установилось понимание того, что волонтер – это признанный обществом социальный статус хорошего, доброго человека, что это юридически закрепленная и защищенная форма общественного поведения, которая позволяет сохранить фундаментальные человеческие ценности, определяющие позитивный тренд социального развития.

Говоря о добровольчестве как о социально-культурном феномене в России, его возникновение связывают с принятием христианства на Руси (X век). В основании этой формы деятельности лежала и лежит идея служения, имманентно присущая природе человека, как одно из онтологических оснований человеческого существа. Именно идея служения, проявляющаяся в феноменальном мире через жертвенность, запускает механизмы интеллектуального синтеза социальной природы. Более того, осознание этой идеи и выведение ее в первый ряд насущных потребностей становится важнейшим фактором социального развития.

После 1917 года и вплоть до 1990-х годов кардинальное изменение идеологических принципов построения государства в России и, соответственно, всей системы общественных отношений приводит к тому, что легальные формы добровольческой деятельности обуславливаются «добровольно-принудительным» принципом. Тезис В. И. Ленина: «Идея, овладевшая массами, становится материальной силой», – вполне раскрывает основные цели использования потенциала добровольчества: создание материальной базы коммунизма и, в этом смысле, решение экономических задач. Едва ли не самой массовой формой добровольчества в СССР стали «субботники». Результаты таких субботников были вполне ощутимы, они исчислялись в деньгах и учитывались во ВВП, как стоимость материальных благ и услуг, произведенных в стране за определенный период времени. Цель сама по себе благая, однако «добровольно-принудительные» методы, как показало время, привели к совершенно противоположному результату в социальном плане: материальные блага созданы, однако, «идея, овладевшая массами», исчерпала силу принуждать добрую волю этих масс.

В конце 1980-х и начале 1990-х годов в России вновь меняется идеологическая основа государственного устройства. Либерализм «западного толка» открывает двери свободному рынку. Стремительно меняется характер собственности. Процесс

приватизации затрагивает практически все сферы деятельности российского общества. Однако из-за недостаточного освобождения добровольных ресурсов гражданского общества и даже подавления его политических инициатив, а также из-за недостаточного правового обеспечения и явного несоблюдения принципов справедливости, реформы проходят тяжело и с большими потерями для общества. Начинаются затяжные, болезненные реформы и в сфере высшего образования и науки. Последствия реформ для университетской науки могут рассматриваться в широком спектре подходов: от статистических до моральных [10, 16, 17]. В начале XXI века социально-экономическая ситуация в России обостряется и в связи с мировым экономическим кризисом.

Функции образовательных учреждений в любом обществе, – вне зависимости от идеологических оснований системы общественных отношений, – изучены достаточно хорошо. Прежде всего, они раскрывают регенерационный характер этих социальных институтов. Кроме того, система высшего образования в сложные периоды экономической нестабильности принимает на себя и в значительной мере снимает социальное напряжение, связанное с негативными последствиями экономических кризисов. В период социально-экономических трансформаций образовательная сфера наиболее долго сохраняет в качестве образовательного идеала модели воспроизводимого субъекта социальных отношений. Именно этот факт в период любых реформ заставляет реформаторов в первую очередь изменять как форму, так и содержание образования.

Исходя из вышесказанного, необходимо отличить творческую конверсию университета в ее собственной, образовательной, университетской природе и связать имманентные этой природе существенные основания с позитивными тенденциями социального развития.

К основным позитивным тенденциям социального развития, несомненно, стоит отнести изменение характера либеральной идеологии. По словам Дж. Грея, эти изменения привели к появлению в либеральной теории нового направления, которое он называет «агональный либерализм». «Агональный либерализм – это вид либерализма, основанный не на рациональном выборе, а на пределах рационального выбора, накладываемых на него радикальным выбором, который нам часто приходится делать между благами, по сути своей соперничающими, зачастую в принципе несовместимыми друг с другом, а иногда несоизмеримыми или не поддающимися рациональному сопоставлению» [5, С. 139].

Россия встала перед таким радикальным выбором в конце 1980-х годов. Десятилетие потребовалось на то, чтобы удержать страну от гуманитарной катастрофы и формирования стратегических планов выхода на путь прогрессивного развития.

Российская университетская наука, несмотря на сложное положение, сумела не только сохраниться, но и выработать конкретные механизмы нового взаимодействия университетов с обществом.

Так, ректор СПбГУ ИТМО Васильев В. Н. предложил новую для России модель экономической деятельности вузов: «Мы предлагаем по-новому взглянуть на интеграцию науки и образования, подготовку высококвалифицированных кадров. В этом процессе должны взаимодействовать три участника: высшие учебные заведения (в нашем случае СПбГУ ИТМО), наука (ГНЦ «ГОИ имени С. И. Вавилова») и бизнес-сообщество. То есть проект вписывается в логику кластерной политики» [2].

Сегодня изменившаяся финансовая политика РФ в отношении Науки и Высшей школы показала, что лучшего пути для сохранения университета нет.

Кластерная политика в академической среде освобождает творческую активность молодых ученых и закрепляет право на эту свободу в научно-экономической форме малого инновационного предприятия (МИП). Создание таких предприятий в университете позволяет активизировать и эффективно использовать потенциал научного творчества университетов, увеличивая как научный, так и финансовый капитал университета. Кроме того, создается мощный экономический импульс развития страны в целом. Малые инновационные предприятия также выполняют функцию социализации молодых ученых и студентов, позволяя им самостоятельно находить социальные и экономические ресурсы, оставаясь в науке, для достижения целей. Жизненно важно для создания наиболее эффективных условий работы МИП открыть им доступ к социальному ресурсу университетской среды, что, в свою очередь, позволит минимизировать финансовые затраты и станет как для МИП, так и для университета еще одним существенным фактором стабильного развития.

В то же время, когда профессор В. Н. Васильев предложил кластерную модель в Высшей школе, Министерство Образования РФ выпустило справочник «Общественные ресурсы образования»: «Данный справочник – первая попытка систематизации сведений о проектах общественных организаций, направленных на модернизацию и развитие системы образования в России. В него включены 600 наиболее интересных и значимых образовательных проектов. Эти проекты реализуются общественными организациями в Российской Федерации. Они направлены на формирование гражданственности, нравственности, уважения к правам и свободам человека, любви к Родине, утверждение семейных ценностей, сохранение и укрепление здоровья детей, пропаганду здорового образа жизни, экологическое просвещение и охрану окружающей среды. В справочнике обобщен опыт общественных объединений в области организационного и методического обеспечения

деятельности детских и молодежных организаций. Справочник предназначен для работников Министерства образования РФ различных уровней, сотрудников образовательных учреждений, общественных организаций и всех, кто интересуется проблемами образования» [9]. Одним из проектов была практическая организация по развитию волонтерства (добровольчества) в Высшей школе (код проекта: 1665. Руководитель: Полатайко С.В.). Смотрите также теоретические аспекты: [11, 12].

За десять лет и кластерная политика, и добровольческая деятельность приобрели реальные очертания.

К примеру, Владимир Васильев сегодня является членом совета директоров Кластера HiTech и Инжиниринга [7].

Имеется опыт создания и функционирования волонтерских организаций в вузах. Например, Общественная организация «Национальное движение волонтеров им. П.Ф. Лесгафта», созданное в НГУ им. П.Ф. Лесгафта, объединяет добровольческие усилия студентов многих вузов Санкт-Петербурга и регионов РФ. Задачи организации – помощь в проведении спортивных международных и городских акций, повышение физической культуры населения – пенсионеров, детей, инвалидов, – пропаганда здорового образа жизни. Например, в ходе спортивных соревнований волонтеры выполняют функции атташе (сопровождение команд), работают на спортивных площадках, в местах рассадки зрителей, на информационных стойках, в пресс-службе, занимаются аккредитацией, заселением делегаций и другой организационной работой [8].

Волонтерское движение студентов кафедры социальной педагогики РГПУ им. А.И. Герцена организует праздничные и тематические вечера для детей, такие как «Масленица», «Знаки дорожного движения», «Детские общественные организации». Обучающиеся проводят игры и тренинги, работают на телефоне доверия, осуществляют разработку и реализацию реабилитационных программ для детей и подростков, организуют и проводят различные благотворительные акции [4].

«Волонтерский центр СПбГУСЭ» в Санкт-Петербурге – это один из 26 университетских волонтерских центров «Сочи-2014». Он создан с целью помощи в категории «Спорт. Услуги по организации питания. Управление Олимпийской деревней» – это специальный учебный центр для подготовки волонтеров XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в Сочи [3].

Замечательный пример образования через добровольчество – Межрегиональный ресурсный центр «Серебряный возраст». Центр содействует профессиональному

совершенствованию специалистов по работе с людьми пенсионного и пожилого возраста [14].

Экономическая эффективность социального подкластера для малых инновационных предприятий вуза

При объединении, использовании и учете ресурсной базы: финансовых средств и общественного ресурса, – в деятельности МИП необходимо определить саму концепцию такого объединения, использования и учета.

Как уже отмечалось, целью волонтера не является получение дохода, однако его труд приносит материальный или нематериальный результат, поэтому учёт и оценка экономического эффекта от волонтерской деятельности не только целесообразны, но и необходимы.

К сожалению, лишь некоторые из этих эффектов учитываются в той или иной систематической форме в ограниченном ряде стран: в настоящий момент регулярные обследования волонтерства проводят статистические службы Австралии, Германии, Канады, Нидерландов, Норвегии, США и Швейцарии [16].

В зарубежной практике волонтерских организаций существует множество способов для измерения экономической ценности деятельности волонтера, но можно выделить два наиболее общих подхода:

1) Подход альтернативных издержек – по существу измеряет экономическую ценность волонтерства как труда добровольца и оценивается как стоимость часа работы волонтера, исходя из его средней заработной платы на основном месте работы.

Однако в некоторых случаях аналитики предполагают, что время добровольца – замена досуга, а не работа, и тогда заработной платы не должно быть.

2) Второй подход – замещения стоимости – измеряет ценность волонтерской помощи и, следовательно, ценность для общества в целом. Оценивается стоимость часа добровольческой работы, в соответствии со средней оплатой за подобный вид деятельности наёмному работнику. Однако возникающие трудности в измерении ограничивают практическое применение этого подхода [21, С. 36].

Модель взаимодействия малого инновационного предприятия (МИП) и организационной структуры общественного ресурса (волонтерского центра) предполагает два концептуальных аспекта: организационно-правовой и экономической.

Организационно-правовой аспект требует создания организационной структуры в рамках Студенческого совета (частный случай) с учетом всех правовых норм и соблюдением требований и условий, связанных с оформлением документации, регламентирующей волонтерскую деятельность.

Экономический аспект требует разработки методики учета волонтерской деятельности и конвертацию результатов этой деятельности в условно сэкономленные средства. В качестве основной учетной единицы предлагается принять время, затраченное волонтером на выполнение задачи.

Задачи можно классифицировать в зависимости от уровня квалификации и степени погружения в научно-образовательный процесс.

Экономическая выгода будет выражаться в резком снижении альтернативных издержек бюджета университета (или кафедры) и МИП на организацию и проведение научных, исследовательских и производственных мероприятий. Оценить экономический эффект можно исходя из стоимости произведенных добровольцами товаров и услуг, в зависимости от категории работ.

Алгоритм расчёта стоимости экономического эффекта волонтерской студенческой организации возможен такой:

1. Определить число волонтеров и количество часов, которое каждый из них уделил добровольчеству в указанный период времени. Эти данные формируются на основе экспертных оценок.

2. Вычислить суммарное количество часов, посвященных выполнению задачи в определенный период времени.

3. Наконец, общее количество затраченных добровольцами часов умножается на денежную стоимость или «условную» заработную плату, в результате чего получается условно исчисленная «стоимость времени», затраченного на добровольную деятельность, то есть ее экономический эффект. [16]

Кроме того, время, затраченное на волонтерскую деятельность, можно учитывать в балльно-рейтинговой системе.

Предлагаемая модель даёт возможность учета затрат времени преподавателя на воспитательную работу.

Результаты исследования волонтерства и социальной педагогики в США 1989 года показывают, что почти все педагоги социальной работы формально участвуют в добровольческой деятельности, работают и выполняют множество ролей в поддержке

общественных организаций. Наиболее распространенные действия добровольца: защита, распоряжение и консультация. Наименее общие действия добровольца: оценка, управление данными и аварийные службы. Результаты исследования также указывают, что преподавательский статус (*tenure status*) и основная обучающая область положительно связаны с количеством и типом выполненной работы добровольца [22].

В предлагаемой модели оценка волонтерской деятельности становится четкой и рассчитываемой. Иллюстрация организационного строения деятельности приведена на схеме 1. После проведения подобных мероприятий выгоду получают все, как экономическую, так и социальную:

Университет (кафедра), МИП – экономия финансовых средств за счёт общественного ресурса (отсутствия затрат на деятельность волонтеров); повышение уровня социализации и образования студентов, решение научных, административных, производственных задач;

Волонтер (студент) – увеличение научного, образовательного, культурного и социального капитала, интеграция в научную среду, прозрачная и объективная система оценки личного вклада для определения уровня социального и морального признания (в сопоставлении с финансовыми показателями).

Как социальная инновация, данная модель повышает социальную мобильность обучающихся и выпускников университета.

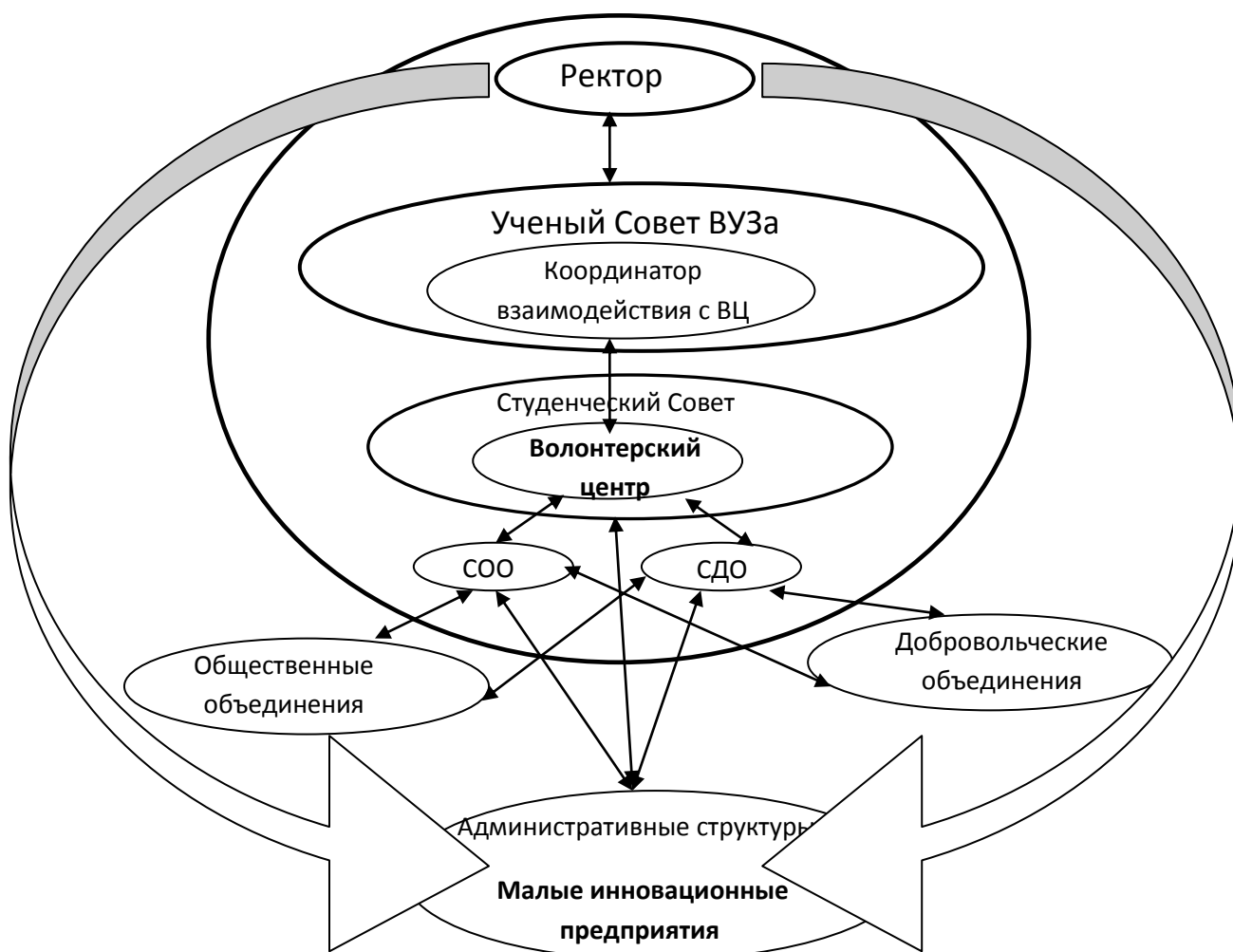

Схема 1. Организация взаимодействия Волонтерского центра в структуре Студенческого совета и Малых инновационных предприятий

Описание модели

«Волонтерский центр»

Научное направление: «Самоуправление и добровольчество в высшей школе».

Основные участники: студенты, молодые и старшие ученые и преподаватели.

Возраст: от 17 до 50 лет.

Цель:

Формирование устойчивой, контролируемой системы социальных отношений в среде вузовской молодежи, актуализация интеллектуального потенциала для создания и повышения эффективности МИП вуза через работу Волонтерского центра, являющегося организационным центром академической и социальной деятельности студентов и молодых ученых.

Задачи:

- Ориентация молодежного движения на позитивное использование энтузиазма и инициативы активной части молодежи в укреплении культурного и научного потенциала вуза.
- Поддержка академической и социальной активности студентов и молодых ученых, направленная на формирование профессиональных навыков, как в области исследовательской работы, так и в области самостоятельной организации научной деятельности в сфере высшего образования и академической науки.
- Обобщение результатов деятельности проекта в диссертационных исследованиях.

Технология:

создание правовой модели ВЦ, создание и использование электронной программы учета результатов деятельности (системы управления добровольцами (волонтерами), интегрированной в Интранет университета) и объективного определения степени социализации участников проекта, учет экономической эффективности добровольческой деятельности. Стимулирование добровольческой деятельности.

В ходе работы волонтерский центр:

- Аккумулирует потенциальные возможности активной части студенчества и молодых ученых.
- На добровольной основе направляет инициативу студентов в соответствии с их квалификацией и степенью прохождения учебной программы на решение организационных вопросов сопровождения научных и социальных мероприятий, текущих задач МИП, техническую работу по проведению научных исследований профессорско-преподавательским составом всех подразделений университета.

- Аккумулирует потребности профессорско-преподавательского состава в указанных видах деятельности.
- Определяет степени социализации каждого участника деятельности по итогам полугодия.
- Координирует деятельность студентов и молодых ученых в различных научных и социальных областях.
- Действует в рамках Закона «Об общественных объединениях», Закона «Об образовании в Российской Федерации», Устава Университета и Положения о Волонтерском центре (автономно или в рамках Студенческого совета).

Ожидаемые образовательные и социальные результаты:

- Привлечение молодых специалистов в область академической науки.
- Увеличение эффективности МИП вуза.
- Создание интеллектуального, социально активного потенциала для МИП вуза.
- Повышение качества образования.
- Формирование устойчивых положительных импульсов общественного мнения.
- Снятие социальной напряженности в сфере интеллектуального труда.
- Вовлечение активной части вузовской молодежи в процесс формирования позитивных социальных отношений гражданского общества исходя из интересов региона.
- Повышение академической ответственности вузовской науки.
- Получение результатов научных исследований в области социально-инновационных проектов.
- Создание инновационной модели (подкластера) социальных отношений в рамках кластера Предприятие – Университет – МИП.
- Создание ответственного электорального резерва.

Имеющиеся ресурсы:

- Профессиональное научно-методическое руководство профессорско-преподавательского состава из штатных сотрудников университета и поддержка специалистов-экспертов из сферы НКО, прикладной и академической науки.
- Действующие добровольцы-студенты и молодые ученые.
- Интранет университета.

Список литературы:

1. Будылин Д.Ю., Полатайко С.В. Онтологический анализ университетского идеала // *Философский век: Альманах*. Вып. 29. Материалы международной конференции «История университетского образования в России и международные традиции просвещения», 16–18 июня 2005 года, Санкт-Петербург. – Т. 2. – СПб.: СПб Центр истории идей, 2005. – С. 114–127. [Режим доступа: <http://ideashistory.org.ru/pdfs/a29.pdf>]
2. Васильев В.Н. Нам нужна кластерная политика // *Санкт-Петербургские ведомости*, 03.06.2004.
3. Волонтерские центры «Сочи 2014» [Режим доступа: http://vol.sochi2014.com/volunteers_centres/]
4. Волонтерское движение студентов кафедры социальной педагогики РГПУ им. А.И. Герцена [Режим доступа: <http://www.ksp-herzen.ru/training/volunteering/>]
5. Грей Дж. Поминки по Просвещению: Политика и культура на закате современности / Пер. с англ. – М.: Праксис, 2003. – 368 с.
6. Дружилов С.А. Трагедия российской университетской интеллигенции в эпоху реформ: горькая чаша выпита еще не до дна? – Limburg: Alfabook Verlag, 2012. – 288 с.
7. Кластер высоких технологий и инжиниринга [Режим доступа: <http://hitec.spb.ru>]
8. Национальное движение волонтеров им. П.Ф. Лесгафта [Режим доступа: <http://www.soc-spb.ru/catalog-soc-spb/1892/>]
9. Общественные ресурсы образования: Справочник. – М.: Изд-во МСоЭС, 2003. – 304 с.
10. Ореховский П. Инновационная экономика в свете теории неявного контракта // *Общество и экономика*. 2011. № 3, с. 5–35.
11. Полатайко С.В. Организация добровольческой деятельности в вузе: теория и практика // *European reseacher*. 2011. №1(3). С. 83–89.
12. Полатайко С.В. Теоретические аспекты развития добровольчества // *Вестник СГУТиКД*. 2011. № 1 (15). С. 125–128.
13. Розовски Г. Университет: руководство для владельца: Пер. с англ. – М.: Еврейский университет; Иерусалим: Гешарим, 1995. – 412 с.
14. Серебряный возраст: Межрегиональный ресурсный центр [Режим доступа: <http://www.silveryears.ru>]
15. Становление духа университета: опыт самопознания / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. – Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, Центр прикладной этики, 2001. – 755 с.

16. Трохина А.В. Оценка трудового потенциала и экономических эффектов волонтерства // Теория и практика общественного развития. 2012. № 12 [Режим доступа: <http://www.teoria-practica.ru/-12-2012/economics/trokhina.pdf>]
17. Центр исследований и статистики науки [Режим доступа: <http://www.csrs.ru>]
18. Center for Student Leadership, Ethics, and Public Service [URL: <http://csleps.dasa.ncsu.edu/>]
19. Goulbourne M., Embuldeniya D. Measuring the Economic Value of Volunteer Activity / Canadian Centre for Philanthropy. International Year of Volunteers Research Program, 2002. [URL: http://library.imaginecanada.ca/files/nonprofitscan/en/iyv/goulbourne_fs_english.pdf]
20. International Student and Scholar Services [URL: <http://www6.miami.edu/policies/hr/VolunteerPolicyA040.pdf>]
21. Manual on the measurement of volunteer work / International Labour Office. – Geneva: ILO, 2011. [URL: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/@dgreports/@stat/documents/publication/wcms_162119.pdf]
22. Parker M.D., Newman B.S. Volunteerism and Social Work Educators: Findings from a National Survey // Journal of Social Work Education. 1989. Vol. 25, № 3, p. 257–267. [URL: <http://www.jstor.org/stable/23042599>]
23. Pelikan J.J. The Idea of the University – A Reexamination. – New Haven, London: Yale University Press, 1992. – 238 p.